

УДК 327.001

Непредсказуемость российского политического процесса (выборы мэра в Иркутске в 2010 г. как case-study). Часть 1

Д. В. Козлов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу результатов выборов мэра в г. Иркутске в 2010 г. Автор рассматривает выборы в контексте сопоставления различных уровней развития политического процесса в современной России. Также анализируется возможность рассмотрения современного российского политического процесса в контексте различных теорий модернизации.

Ключевые слова: модернизация, выборы, мэр, политический процесс, восточный тип общества, западный тип общества.

Прежние дискуссии, посвященные специфике российского транзита, рассматриваемого с точки зрения перехода «от чего-то к чему-то» (например, от «проклятого советского прошлого» к «светлому капиталистическому будущему» или от одной «цивилизационной парадигмы» к другой), сменились попытками описания устоявшегося современного политического российского режима. Так или иначе, научные споры строятся вокруг проблематики авторитаризма и возможности использования этих концептов в приложении к российским реалиям. В. Гельман, рассуждая о тупиках авторитарной модернизации в России, указывает на то, что можно дать универсальную классификацию авторитарных режимов и, соответственно, классифицировать основные несущие институты этих режимов. Речь идет о бюрократических, военных и однопартийных разновидностях авторитарного режима. По мнению ученого, все три авторитарные альтернативы не работают в России [1]. Конечно, данная схема не исчерпывает всей проблематики авторитарных режимов. В то же время надо отметить ее четкость, ясность и универсальность.

Важной точкой отсчета в самоопределении российского властного режима стала общеизвестная теория «суверенной демократии», претендующая в отличие от универсальных определений на выявление специфических черт российской политической ситуации» [9]. Естественно, что в отличие от экспертных оценок в данном случае речь идет о попытке выстраивания новой властной идеологической легитимации существующего режима, его властного самоописания. Но, тем не менее, противопоставление по шкале «универсализм – особый путь развития» сохраняется и обретает новые черты. Такое противоречие является традиционным для русской культуры, развиваясь в контексте противопоставления «универсализм – специфичность».

Интересно, что обе трактовки объединяет идея «элитарной» интерпретации политического процесса. Правда, в случае Гельмана речь идет об отсутствии акторов, основных двигателей возможной авторитарной модернизации (чиновничество, силовые структуры или партия власти). Такие идеи продолжают интерпретацию 90-х гг., но уже на новом этапе. Тогда речь шла о сложном взаимодействии элит при пассивном участии остальных групп населения. В сурковском [9] случае речь идет об использовании традиционной российской идеологии «власть – народ», естественно, с точки зрения власти как главной защитницы, оберегательницы и т. п. «единого и неделимого» народа.

На самом деле предлагаемые шкалы оценок далеки от совершенства. Очень интересными выглядят попытки иных подходов. В частности, А. Рябов разрабатывает своего рода расширенную транзитологическую модель и вводит внутренние различия между особенностями транзита стран ЦВЕ (включая Прибалтику) и бывшего СССР. В случае постСССР речь идет о сложившейся системе «постсоветского капитализма». Степень демократизации страны, по крайней мере, в плане развитости электоральной демократии, при таком политэкономическом подходе не играет ключевой роли. Безусловно, страны, продвинувшиеся по пути электоральной демократии, теоретически имеют больше шансов для выхода на иную модель развития, но сама по себе электоральная демократия еще не гарантирует этого перехода (очевидное осознанное или бессознательное критическое отталкивание от популярной среди транзитологов процедурной теории демократии. – *Прим. авт.*) Можно выделить несколько принципиальных характеристик постсоветского капитализма. Первая из них, кстати, тесно связанная с понятием «трансфер-классов» (классы, образовавшиеся в процессе перехода от одного социально-экономического строя к другому), заключается в срастании власти и собственности и концентрации их в руках небольшого количества привилегированных групп. Вопреки бытовавшим в более ранние эпохи прогнозам о том, что в процессе трансформации социализма в капитализм произойдет конвертация власти номенклатуры в обретенную ей собственность (Л. Троцкий), в постсоветских реалиях одни и те же группы получили и то, и другое.

Это обстоятельство серьезнейшим образом тормозит демократический прогресс, поскольку отличительной чертой демократий является наличие независимых от государства политических акторов. При концентрации ресурсов практически в одном или нескольких центрах, да еще и связанных напрямую с государственной властью, возникновение таких акторов крайне затруднительно. Контроль над ресурсами позволяет также правящим элитам выстроить высокий заградительный барьер для доступа на политический рынок новым акторам. Это характерно не только для стран с авторитарными режимами, но и для тех, кто является электоральными демократиями.

Вторая ключевая особенность постсоветского капитализма – это отсутствие сильных институтов. Этот фактор не позволяет осуществлять в политике какие-либо долгосрочные стратегии. Слабые, неустойчивые институты побуждают различные элитные группы ориентироваться на реализацию краткосрочных и, главным образом, корпоративных и групповых целей. В таких

системах, как правило, либо плохо прописан в законах, либо фактически не действует на практике институт политической ответственности. Как правило, все решения принимаются на самом верху, но ответственность за плохие решения президенты и премьеры спускают вниз, на других субъектов политики. Остальные политические акторы прекрасно понимают подобную «механику», и поэтому для них, когда принимается серьезное решение, главная задача состоит в том, чтобы заранее предпринять меры и перевести ответственность на кого-нибудь другого. Это феномен, который можно называть «политическим пинг-понгом». Подобная схема, однако, хороша для самоподдержания системы, но абсолютно негодна для осуществления политики изменений, развития.

Третья важная особенность постсоветского капитализма – это персонификация, клиентелизация властных отношений. Этот феномен хорошо описан в книге М. Афанасьева и еще в нескольких изданиях. Когда значение тех или иных институтов минимально, ключевую роль играет неопатримониальный, если угодно, и такой термин становится все более популярным, клиентелистско-феодальный тип властных отношений, получивший широкую известность благодаря популярным повестям-антиутопиям нашего выдающегося писателя В. Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль» (А. Рябов описал схожие процессы рефеодализации и, если угодно, архаизации в другом тексте). В системе группы интересов, образованные в основном по принципу близости их к обладателям тех или иных важных бюрократических ресурсов, позволяющим производить распределение, не являются устойчивыми. Они быстро распадаются, трансформируются, если ключевая фигура теряет этот ресурс. Такие акторы в принципе не могут быть носителями долгосрочных стратегий развития. Их деятельность ориентирована, главным образом, на захват новых ресурсов или, по крайней мере, на сохранение status quo. Такие группы нельзя по ошибке отождествлять с кланами, как это часто происходит в литературе. Правда, здесь начинается довольно интересный спор, который остается за рамками данной статьи. Если А. Рябов рассуждает о рефеодализации как демодернизации российского общества, то по логике С. Кордонского и ряда других авторов это не так [4; 7]. Реальная картина связана с постоянным сосуществованием в российском обществе разных пластов традиционного и модернизированного обществ, например, сословий и классов.

В политическом плане страны постсоветского капитализма отличаются большим разнообразием – от жестких авторитарных режимов центральноазиатского образца, с сильными элементами досоветского традиционализма, до более мягких, европеизированных форм авторитаризма, часто мимикрирующих под имитационные (нелиберальные) демократии (Армения, Грузия, Россия) до электоральных демократий (Молдова, Украина). Но во всех странах в большей или меньшей степени проявляется стремление правящих групп монополизировать власть и собственность и использовать демократические процедуры (там, где они есть) для формирования и закрепления этой монополии. Очень интересными кажутся краткие характеристики различных этапов развития современного российского государства А. Филиповым. Исследователь использует два известных понятия: «социальное государство» и «поли-

цейское государство». В первом случае речь идет о комплексе мероприятий политической власти, которая принимает на себя какие-то обязательства в отношении здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и т. д., не оставляя все в руках рынка. Второе понятие – «полицейское государство». М. В. Ильин предлагает для характеристики такого же феномена исторически сложившееся понятие – «полицистское государство» [3]. О нем говорят тогда, когда политическая власть устанавливает на всей своей территории закон и порядок; в таком государстве нет воинственной борьбы враждующих групп, которые изничтожают друг друга на улицах, нет столкновения партий и, собственно говоря, нет политики. Социальное и полицейское государство – понятия, которые между собой сильно связаны, в обоих случаях власть «пасет» население, только в одном случае больше следит за тем, чтобы стаду хватало корма, а в другом – за тем, чтобы оно не разбрелось. Советский социализм в последние десятилетия его существования, по мнению ученого, был почти всецело социально-полицейским государством. Не социальным государством в западном смысле, конечно. Тоталитаризм вырождался в более мягкие формы авторитарного господства, и в увеличении социальных обязательств государства можно было видеть один из путей для конвергенции двух систем. Когда заговорили о свободах и начались реформы, то выяснилось, что они предполагают деструкцию и полицейского государства (появилась публичная политика и борьба групп), и социального государства (считалось, что оно вредно для либеральной экономики).

Сейчас, когда государство демонстративно словно бы возвращается к социальным обязательствам, не надо удивляться, что одновременно формируются элементы полицейского государства, внутри которого никакой политики, естественно, быть не может. Но этот процесс имеет вырожденные формы. Российское полицейское государство не обеспечивает мира и порядка и все с большим трудом подавляет политику. Точнее говоря, демонстрация социальных обязательств оказывается одним из предлогов для уничтожения политики, но закон и порядок не воцаряются, а социальные обязательства на деле только редуцируются. Во многом это происходит, потому что природа того социального образования, которое 20 лет назад застали реформаторы в момент взятия власти, никому толком была не ясна. Все, что описывалось как демократизация, было словами, мало имеющими отношение к сути дела. Происходил некий процесс, который имел собственную непроанализированную до сих пор природу.

В свое время в блестящем исследовании «Современная демократия» А. Салмин с опорой на работы А. Лейпхардта и Л. Пая также предложил попробовать выйти за границы упрощенной системы толкования политического процесса [8]. Это помогает сделать теория общественной демократии в многосоставном обществе. С точки зрения А. Салмина, такие подходы восходят к Аристотелю с его идеей «смешанного правления». Но в современности можно, например, говорить и о знаменитом синдроме Л. Пая, состоящем из 17 пунктов и характеризующем незападный политический процесс [5]. Напомним эти пункты:

1. В незападных обществах политика не отделена резко от сферы личных и общественных отношений. В комментариях к этому тезису Л. Пай говорит о том, что в незападных обществах, большинство из которых являются традиционными, власть, престиж и влияние основаны на социальном статусе. Политическая борьба разворачивается вокруг вопросов, связанных с престижем, влиянием, отдельными личностями, но не вокруг проблем выбора альтернативных политических действий. Отдельного упоминания заслуживает проблема рекрутирования элит в таком обществе. Этот процесс можно сравнить с аккультурацией. Он предполагает изменение стиля жизни (урбанизация, получение определенных форм образования, установление необходимых личных отношений). Политическое поведение во многом связано с процессом общинной идентификации. В свою очередь, большие общинные группировки воспроизводят этнические или религиозные границы. Но за большими группировками скрываются более маленькие, объединенные тесными социальными узлами и ранжированными по шкале от властного коммюнити вестернизированных лидеров до социальной структуры каждой деревни. В таком случае все определяется не содержанием политических взглядов, а социальной позицией отдельного человека. Это не рынок, где свободно обращаются и конкурируют в поисках поддержки политические идеи, а скорее внутриобщинные дебаты или отстаивание позиции своей группы перед представителями другой.

2. Политические партии претендуют на выражение мировоззрения и представляют собой образ жизни. Обусловленность политического процесса общинными основаниями ведет к тому, что партии представляют разные целостные, тотальные образы жизни. Обычно политические партии представляют собой «субобщества» или просто отдельную влиятельную личность. Партии стремятся обосновать свое уникальное мировоззрение, что роднит их с религиозными сектами. Часто базой партий являются региональные, этнические или религиозные группировки. В случае ориентации на одну личность речь идет не о политических взглядах, а об отдельных сторонах самой личности, что влияет на характер движения. Часто можно встретить претензию на квазирелигиозную миссию партии изменить все стороны жизни общества. Сама партия часто воспринимает себя как прототип того, чем страна должна стать со временем.

3. Политический процесс характеризуется преобладанием клика. Отсутствие отдельной политической сферы и претензия политических партий на собственное мировоззрение ведет к образованию персонифицированных кликов. Частные составляющие политических отношений определяются решениями, принимаемыми на персональном уровне. Социальная структура имеет характер функционально диффузных отношений. Отдельные группы и индивиды не имеют четко определенных и высоко специализированных функций, что влияет на отсутствие специализированных интересов, отличных от других групп. Каждодневная политика не может опереться на структурированную реальность взаимодействия различных групп. Персонифицированные клики становятся ключевыми объединениями для принятия решений.

4. Характер политической лояльности предоставляет лидерам политических групп высокую степень свободы в выборе стратегии и тактики. Общинный характер политики и стремление партий выработать собственное мировоззрение на практике означает, что политическая лояльность связана с процессом идентификации с конкретной группой в целом, а не идентификацией с политическими заявленными целями группы. Поэтому ожидания выстраиваются в русле необходимости выразить общие интересы всей группы в целом, а не частные интересы или ценности.

5. Оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты выступают как революционные движения. Лидерство в таком обществе отталкивается от идеи изменения всех аспектов жизни. В свою очередь, политические ассоциации претендуют на собственное мировоззрение. Отсюда идея любого изменения в национальном лидерстве несет в себе революционные нотки. Правящая партия претендует на тотальное изменение общества, этому сложно сформулировать политическую альтернативу. Повестка дня всегда содержит вопросы, ассоциирующиеся с судьбой общества. Отсюда вытекает претензия на выражение интересов всей нации. То есть противники выглядят как противники прогресса или, еще хуже, враги страны. Политическое противостояние приобретает черты соревнования между разными способами жизни. Поэтому в глазах существующей власти оппозиция предстает как враг всего самого хорошего и светлого.

6. Политический процесс отличается отсутствием интеграции между участниками. Такая ситуация является производной от отсутствия единой коммуникационной системы в обществе. Можно сказать, что в незападных обществах не один политический процесс, а несколько отдельных и не связанных между собой политических процессов. Основное разделение связано с тем, что национальная политика выстраивается на основе городских элементов, которые противостоят более традиционным, деревенским. Коммуникационная система завязана на городское население. Но огромное большинство населения живет в системе коммуникации через слухи. Даже если радио и газеты достигают деревни, то отсутствует всякая обратная связь. Радио что-то вещает крестьянам, но не говорит с ними. Взгляды большинства населения не отражаются в масс-медиа. Масс-медиа больше отвечает стандартам интернациональной системы коммуникации, а не ее локальному уровню. Отсутствие единой коммуникационной системы и интеграции участников в политический процесс ведут к ограничению типов политических проблем, которые могут возникать в незападных обществах. Л. Пай считает, что ярким примером такой ситуации является отсутствие представленности в политике структурированных интересов деревенского населения. В политическом процессе доминирует город, причем часто доминирование города в национальной политике имеет более урбанизированный характер, чем на самом Западе.

7. Западный политический процесс характеризуется высоким уровнем рекрутирования новых элементов для исполнения политических ролей. Распространенность «народной», «общинной» политики в традиционных обществах означает постоянный рост числа участников и типов организаций, во-

влеченных в политический процесс. Нераспространенность медиа на деревню формирует взгляды на невключенность сельских элементов в национальную политику.

8. Для незападного политического процесса характерно резкое различие в политических ориентациях поколений. Социальные изменения в западных обществах ведут к исчезновению преемственности условий, при которых люди рекрутируются в политику. Новые группы, не участвовавшие в восстании против колониального правления, ощущают свою невключенность во «внутренний круг» национальной политики. Поэтому статус существующих лидеров воспринимается скорее как приписываемый, а не достижительный. Высокий демографический рост (медианный возраст – около 20 лет) ведет к постоянному давлению на правительство, которое тоже претендует на то, что обладает статусом молодых. Все это ведет к возникновению разрыва между поколениями, основанного на разных политических взглядах.

9. В западных обществах уровень консенсуса по поводу возможных целей и средств политических действий очень небольшой. Бесконечные социальные изменения ставят под сомнение возможность возникновения такого консенсуса. Плюс в таких обществах существуют люди, которые полностью восприняли западные ценности. Но в это же время обычные крестьяне совсем не затронуты западным влиянием. Эти группы живут совсем в разных мирах, поэтому можно с трудом надеяться на выработку совместного подхода к политическим действиям.

Национальные лидеры, рекрутируемые из городских слоев, оказываются в позиции необходимости выработки стандартов, общих для всех. Но часто это подменяется рефлексией элиты, понимаемой в данном случае как изолированная от другого общества субгруппа, своего рода замена общества. Массы не могут полностью выразить свои ценности и концепты, влияющие на их поведение. Лояльность по отношению к частной группе, а не поддержка общих принципов является ключом к политическому поведению. Все это ведет к усилению тенденции ориентации на отдельное и индивидуальное в политике, а не на общие, всеми разделяемые ожидания. Ситуация также усложняется из-за того, что большинство групп, задействованных в политическом процессе, претендуют на выражение отдельного мировоззрения, лишь некоторые группы связаны с конкретными и специфическими интересами. Диффузный характер групп ведет к тому, что каждая из них стремится выработать свой собственный подход к политическим действиям с точки зрения целей и задач. Взаимосвязь целей и задач в таких условиях начинает носить скорее органический, а не рациональный и функциональный характер. Очень сложно разделить в политическом дискурсе дискуссии о желаемых обстоятельствах и анализ возможных задач политического действия.

10. В западных обществах интенсивность и широта политической дискуссии мало связаны с принятием политических решений. Западные наблюдатели давно отмечают парадоксальную ситуацию, сложившуюся в западных странах: с одной стороны, массы кажутся очень апатичными по отношению к политическим действиям; с другой, – достаточно хорошо информиро-

ванными о политических событиях. Крестьяне часто вовлечены в дискуссии по поводу политических событий, не влияющих на их непосредственную жизнь, но они очень редко готовы преобразовать получаемую информацию в действия, которые способны повлиять на тот или иной курс развития национальной политики. Здесь проявляется традиционалистское отношение к политике. В большинстве традиционных обществ важной функцией элиты является производство действия и материала для обсуждения обычными людьми, но их дискуссии вращаются вокруг обсуждения действий подобранного официоза, не создавая возможностей для превращения дискуссий в действие. Политический спектакль, разыгрываемый элитой, представляет из себя своего рода постановку для обычных людей. Это напоминает традиционную культуру, связанную с народными формами литературы и драмы, в которых основные сюжеты связаны с жизнью королевского двора и миром приближенных к властелину. Другой важной причиной, объясняющей такое положение вещей, является то, что владение информацией о происходящем вовне локального сообщества и общины работает на повышение статуса и престижа внутри этой общины. То есть это знание само по себе является ценностью. Но это тоже не связано с возможностью активного участия в политике.

И, наконец, многие простые люди считают необходимым быть информированными о происходящих политических событиях, так как часто эти события самым неожиданным образом меняют их жизнь. Но это опять же не приводит их к представлению, что своими действиями они могут повлиять на эти события.

11. В западных обществах политический процесс отмечен высокой степенью совмещения и взаимозаменяемости ролей. Большинство политических ролей носят функционально расплывчатый, диффузный характер, а не функционально специфицированный. Например, роль государственной бюрократии часто не сводится только к политически нейтральному инструменту общественного администрирования. Бюрократия может принимать на себя функции политической партии или действовать как группа с определенными интересами. Иногда армия действует как правительство. Даже внутри бюрократии и правительства отдельные индивиды могут играть несколько ролей. В принципе, такая ситуация может быть связана с оценкой одной группы действий другой как неэффективных. Но более основательная причина связана с тем, что в традиционных обществах в условиях изменения традиционного статуса считается, что никакая частная группа или организация не смогут ограничить себя в действиях четко специфицированными функциями. В таких условиях отсутствует четкое разделение труда в любой сфере общества. Все группы стремятся сохранить относительную свободу в попытках максимизировать свое влияние.

12. В западном политическом процессе относительно немного четко очерченных групп с функционально специфицированными интересами. В западных обществах довольно много неформальных ассоциаций, но такие группы стремятся использовать диффузные ориентации, способные выразить все возможные варианты жизненных стратегий наподобие партий и клик.

Очень редки ассоциации, выражающие четко очерченный и функционально специфицированный интерес. Организации, которые развиваются по западной модели на основе групп интересов, – профсоюзы, объединения бизнесменов не имеют четко определенного фокуса. Часто профсоюзы или крестьянские ассоциации являются лишь формально выразителями особых интересов, на практике они являются агентами или государства, или доминирующей партии. Их функцией в этом случае является не представление особых интересов, а мобилизация поддержки определенной части населения в интересах доминирующей группы.

Активность таких групп носит во многом защитный характер. Это не группы давления. Ассоциации не стремятся давить на правительство с целью выработки определенной общественной политики, их целью является защита своих членов от обстоятельств, вызванных правительственными решениями, и от проявлений политической власти других групп. Такое положение вещей напоминает колониальные времена. В тех авторитарных условиях неформальные ассоциации имели мало шансов влиять на формальный процесс выработки законов. Их успех в выбивании преференций для своих членов не был связан с необходимостью мобилизации массовой поддержки для себя. Наоборот, они были более успешны в случае незаметной и тихой работы над установлением связей с политически влиятельными правительственными агентами. Каждая ассоциация стремилась действовать отдельно с целью достижения специальных выгод. Стратегия объединения в коалиции и альянсы, направленная на выявление общественного запроса к правительству, характерная для открытого демократического процесса, могла только ослабить позиции неформальных ассоциаций в традиционном обществе. Это вело бы к оформлению прямого вызова существующей правительственной элите.

Неформальные ассоциации стремятся защитить интересы своих членов в их отношениях с правительством. Но в то же самое время многие интересы в обществе четко не выражены и не организованы. Процесс социальных изменений создает базу для появления новых интересов, но формирование отдельных групп с четко выраженными интересами носит гораздо более медленный характер. Часто новые группы подстраиваются под стандарты традиционного общества. Действие ассоциаций по защите интересов своих членов имеет скорее партикуляристские, а не универсальные коннотации. Выработка широкого общественного запроса, нацеленного на осознание общего интереса или общего блага, может поставить под сомнение существование «творцов» законов, чья позиция в традиционных обществах является по определению неоспариваемой. Можно даже сформулировать гипотезу. Там, где формально существующие законодотворцы более удалены и более недоступны для простой публики, чем институции, пытающиеся влиять и использовать закон в определенных целях, политический процесс в обществе будет носить латентный характер, интересы будут выражаться неформально организованными группами, преследующими диффузные, но партикуляристски ориентированные цели. В таких условиях не может быть и речи о выработке широко выраженного и заявленного общего интереса. И, наоборот, там, где институциали-

законотворцы будут менее удалены и более доступны для публики, чем всякого рода агентства, пытающиеся использовать закон, политический процесс будет открытым. Интересы будут представлены четко структурированными группами, преследующими специфические, но универсалистски определенные цели, которые будут широко обсуждаться и заявляться в своей связи с общим интересом.

13. В незападных обществах национальный лидер вынужден обращаться к публике как недифференцированному целому. Отсутствие групп с четко выраженными и структурированными интересами и то, что не все участники постоянно представлены в политическом процессе, делают невозможным для лидера и его окружения разработку внятных задач управления, разрабатываемых с учетом мнений и ценностей различных общественных групп. Политики национального уровня не могут осознать относительную силу тех, кто их поддерживает и тех, кто им противостоит. Политики также не могут оценить величину усилий, необходимых для того, чтобы склонить на свою сторону сомневающийся.

Только внутри элиты или в административной структуре национальные лидеры могут вычленять те или иные точки зрения и реакцию на них. Но в случае всего населения очень немногих индикаторов возможности структурирования населения по отношению к тем или иным частным вопросам. То есть в поисках поддержки национальный лидер не может обратиться к интересам отдельных групп. Если лидер не имеет возможности идентифицироваться или оттолкнуться от различных интересов, связанных с общественными группами, то он вынужден обращаться к общим утверждениям, а не использовать специфические позиции по конкретным проблемам. Такая ситуация также приводит к тому, что любая проблема и национального уровня, и локального требует поиска поддержки населения в целом.

Невозможность обращения к структурированному населению иногда приводит к обращению к эмоциональным формам политического высказывания. Также часто необходимость постоянного обращения к нации в целом заставляет лидера использовать националистические аргументы и представлять себя как выразителя интересов всей нации, а не каких-нибудь отдельных интересов. Поэтому иногда складывается парадоксальная ситуация, когда западные лидеры одновременно выглядят как радикальные националисты и как политики, лишенные всякого реального контакта с массами.

14. Неструктурированный характер политического процесса в незападных обществах заставляет лидеров занимать более определенные позиции по внешним проблемам, чем по внутренним. Для лидеров внешнеполитический процесс выглядит более структурированным. Они могут точнее просчитать выгоды той или иной определенной позиции во внешнеполитических делах, чем по внутренним проблемам. Плюс возможно достижение ситуации увеличения политического веса таких лидеров за счет внешнеполитических проблем. Причем этот вес может быть несоизмеримым с внутренним аналогом. Также за счет возможности занять позицию, претендующую на защиту интересов всей нации, возникает ситуация укрепления впечатления, что внутренняя оппозиция выступает как враг национальных интересов.

15. В незападных обществах экспрессивные моменты политики часто превалируют над такими аспектами политики, как необходимость решения определенных проблем или публичность. В традиционной политике основными чертами являются церемония и роскошь, помпезность. Те, кто вовлечен в такую политику, рассматриваются как люди, ведущие интересную и выдающуюся жизнь. Но, по контрасту, в традиционных обществах политика не рассматривается как возможность решения социальных проблем. Вопросы политики сводятся к определенному минимальному набору социальных и экономических функций и поддержанию определенного стиля жизни элиты.

Хотя в обществах в стадиях перехода существуют большие ожидания от политики как от средства рационального решения социальных проблем, экспрессивные аспекты политики продолжают занимать центральное место. Широко распространенное западное мнение, что публичная политика представляет из себя наиболее важный аспект политики и практически является единственным легитимным средством поддержания тех, кто находится у власти, почти всегда является неприложимым к реалиям незападного политического процесса. На самом деле, в большинстве незападных обществ существует убеждение, что облеченные властью в меньшей степени призваны выявлять или решать проблемы. Самое важное, что они выступают своего рода главными участниками в некоей жизненной драме. Преобладание аффективных и эмоциональных аспектов политики влияет на то, что в незападных обществах вопросы личной лояльности и идентификации себя с тем или иным лидером рассматриваются как основные политические темы. Связь между лидером и его последователями носит в основном эмоциональный характер. Причем в этих обществах настаивание на взаимосвязи между лояльностью и способностью лидеров решать проблемы публичной политики выглядит в высшей степени неуместным и даже аморальным. В случае многих незападных обществ необходимость обеспечения национального единства заставляет лидера выдвигать на первый план символы и лозунги, объединяющие нацию, а не проблемы, которые могут разделить людей. Эти символы и лозунги часто традиционно ассоциируются с политикой администрирования. Но это не политический выбор в определенном сложившемся поле, а скорее реализация намерения создать работающее чувство национальной принадлежности, национальной лояльности.

16. В незападных полициях доминируют харизматические лидеры. Вебер подчеркивал, что ситуация харизматического авторитета возникает в момент ослабления традиции. Проблема политической коммуникации еще более усиливает позиции такого лидера. Население не может разделить с лидером его стандарты суждения или принципы его рационального обсуждения проблем. Трудность коммуникации возникает в случае обмена точками зрения. В свою очередь коммуникация эмоций не встречает таких барьеров, особенно в том, что касается личности и характера человека. Все группы в обществе могут ощущать свою причастность, свою возможность обсуждать, что за человек их лидер, даже не понимая при этом его стиль решения разных проблем. Интересно, что в условиях отсутствия влияния на образ лидера каких-то его дей-

ствий в повседневной политике оппозиция может развиваться достаточно долго при условии отсутствия прямого вызова харизме лидера. Различные группы могут настаивать на том, что преследуют те же самые цели, что и лидер. Основная проблема для харизмы связана с тем, насколько она сможет быть институциализирована в форме рационально-легальных практик. Или последователям харизматичного лидера будет уготован хаос и поражение. основополагающим фактором является то, смогут ли развиваться функционально специфицированные группы, способные на представительство действительно частных интересов.

17. Политический процесс в незападных обществах развивается в основном без помощи политических «брокеров». В большинстве незападных обществ не существует институциализированных ролей для тех, в чью задачу входит, во-первых, выявление и определение требований и интересов населения и, во-вторых, вовлечение в торг, необходимый для максимизации и уточнения в процессе удовлетворения этих требований и интересов. Все это соотносится с процессом публичной политики и управления. С западной точки зрения, политический «брокер» является необходимым условием бесперебойного функционирования системы представительного правления. С помощью его активности, с одной стороны, проблемы публичной политики и управления могут быть лучше объяснены простым людям таким образом, чтобы эти проблемы смогли бы быть четко соотнесены с их различными частными интересами и, с другой стороны, различные требования населения смогли бы быть представлены национальным лидерам. Эту роль на Западе играют влиятельные члены соперничающих политических партий и групп интересов.

В незападных странах для того, чтобы иметь стабильные представительские институты, необходимы люди, способные играть ту же роль, какую играли местные партийные лидеры в представительстве интересов различных иммигрантских сообществ для вовлечения их в американскую политическую жизнь. Эти лидеры были способны создать каналы, благодаря которым иммигрантские сообщества почувствовали, что они смогли научиться тому, каким образом их интересы соотносятся с национальной политикой и, в свою очередь, национальные лидеры смогли выявить социальные запросы новых граждан. В незападных обществах роль политических «брокеров» частично выполняют «медиаторы», «посредники», передающие взгляды элиты в массы. При исполнении своей роли «медиаторы» в основном вовлечены в публичные взаимодействия с элитой и лишь в минимальной степени могут донести до элиты взгляды обычных людей. Для них не является необходимым опознавать и выражать ценности обычных людей. В целом, так как влияние «медиаторов» основано на взаимодействии с национальными лидерами, для них нет никакой необходимости развивать автономные основания своей власти или пытаться идентифицироваться с определенными сегментами населения. Таким образом, их действия не влияют на возникновение функционально специфицированных групп интересов.

А. М. Салмин предлагает использовать описание синдрома Пая как своего рода зеркало, в котором можно опознать свой тип политики (как путем идентификации с образцом, так и отталкивания от него). Во многом противопоставление Паем западного и незападного политического процесса связано с той разделительной чертой, которую устанавливает в обществе процесс модернизации. При характеристике разных пунктов Пай часто указывает на специфику отношения к политике традиционного общества или на те особенности, которые возникают в обществе в процессе его перехода к современному типу. Возникает естественный вопрос о том, насколько такие концепции приложимы к постсоветской России. Очевидно, что Л. Пай подменяет понятия, противопоставляя западный тип как некий идеальный и незападный как реальный. А. Даймант указывает, что в западном политическом процессе можно найти аналогичные паевским черты как в прошлом, связанном с переходом от традиционного общества к современному, так и в современных политических реалиях. В первом случае это проблема кризиса традиционной семьи и атомизации индивида в массовом обществе; отделение места работы человека от его места жительства; проблема интеллигенции как отдельного «детрадиционализованного» социального слоя с ее претензиями на социальное лидерство; процесс централизации, обусловленный развитием нации – государства и индустриализацией. Во втором случае при подчеркивании отсутствия консенсуса в политике можно указать на межвоенное политическое развитие Австрии, характеризовавшееся делением на три политических лагеря (Lager), претендовавших на выработку отдельного всеобъемлющего мировоззрения и стиля жизни. В Великобритании, более всего подходящей под пресловутый западный идеальный тип политического процесса, лейбористская партия начиналась и во многом до сих пор остается социальным движением. Полностью укладываются в незападный политический тип такие феномены как политические предпочтения западной мелкой буржуазии и так называемого «салариата» (нового среднего класса, сформированного из наемных работников). В обоих случаях предпочтения определяются социальной идентификацией с конкретной социальной группой. Можно привести и факты, указывающие на неинтегрированность политического процесса в западных странах, например, политическое развитие на федеральном уровне в США часто сосуществовало с разнообразными экономическими, социальными и политическими различиями на уровне штатов. Таким образом, можно говорить не о двух совершенно различных, отличающихся друг от друга западной и незападной политических системах, а о континууме, соединяющем две крайние точки единого политического спектра [10].

Окончание в следующем номере журнала.

1. Гельман В. Тупик авторитарной модернизации // Pro et Contra. – 2009. – № 5/6 (47). – С. 56.

2. Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России: рамки анализа // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2(70).

1. Guelman V. Deadlock of authoritarian modernization // Pro et Contra. – 2009. – N 5–6 (47). – P. 56.

2. Guelman V. Authority, government and local regimes in Russia: analysis limits // Reserve stock. – 2010. – N 2(70).

3. *Ильин М. В.* Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. – М., 1997.
4. *Кордонский С.* Сословная структура постсоветской России / С. Кордонский. – М., 2008.
5. *Пай Л.* Незападный политический процесс // Полит. наука. – 2003. – № 2. – С. 66–86.
6. *Панов П. В.* Локальная политика в разных измерениях // Полит. наука. – 2008. – № 3. – С. 9–31.
7. *Рябов А.* Самобытность против модернизации – парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху / А. Рябов. – М., 2005.
8. *Салмин А. М.* Современная демократия: очерки становления / А. М. Салмин. – М., 1997.
9. *Сурков В.* Тексты 97–07. Статьи и выступления / В. Сурков. – М., 2008. – С. 48–51.
10. *Diamant A.* Is There Non-Western Political Process? Comments on Lucian W. Pye's "The Non-Western Political Process" // The Journal of Politics. – 1959. – Vol. 21, N 1. – P. 123–127.
3. *Iliyn M. V.* Words and meanings : Experience of description of main political concepts / M. V. Iliyn. – M., 1997.
4. *Kordonskiy S.* Estate structure of post-soviet Russia / S. Kordonskiy. – M., 2008.
5. *Pay L.* Non-Western political process // Political science. – 2003. – N 2. – P. 66–86.
6. *Panov P. V.* Local policy in different dimentiones // Political science. – 2008. – N 3. – P. 9–31.
6. *Riabov A.* Uniqueness against modernization – paradoxes of Russian policy in post-stabilization epoch / A. Riabov. – M., 2005.
8. *Salmin A. M.* Contemporary Democracy: outlines of the formation / A. M. Salmin. – M., 1997.
9. *Surkov V.* Texts 97–07. Essays and speeches / V. Surkov. – M., 2008. – P. 48–51.
10. *Diamant A.* Is There Non-Western Political Process? Comments on Lucian W. Pye's "The Non-Western Political Process" // The Journal of Politics. – 1959. – Vol. 21, N 1. – P. 123–127.

Unpredictability of the Russian Political Process (Mayoral Elections in Irkutsk in 2010 as the Case-study). Part I

D. V. Kozlov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns the analysis of results of mayoral elections in Irkutsk in 2010. The author considers the results of elections in terms of matching of distinct levels (federal and regional) of political process development in modern Russia. Besides the probability of examining of contemporary Russian political process in terms of various modernization theories is regarded.

Key words: modernization, elections, mayo, political process, the Eastern type of society, the Western type of society.

Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, научный директор МИОН, e-mail: mimo@hist.isu.ru

Kozlov Dmitry Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and international relations, the Irkutsk State University, Scientific Director, Center for Advanced Studies and Education (CASE), e-mail: mimo@hist.isu.ru